

«НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ» ПОНЕВОЛЕ

Если бы был составлен список десяти наиболее выдающихся биологов-эволюционистов XX века, то имя Феодосия Григорьевича Добржанского безусловно было бы внесено в него. В советской литературе первые публикации о Добржанском, как и о других ученых, писателях, философах и многих творцах, создателях, родившихся на российской земле, но большую часть жизни проживших и в мир иной отошедших в дальних землях — кто в Чехословакии, кто во Франции, кто в Германии, кто в Америке, а кто и в совсем уж далекой Австралии, — оказались возможны лишь где-то к середине, если не к концу «перестройки» [1, 3, 4, 7, 8, 12]. В сентябре 1990 г. в Ленинграде удалось провести международный симпозиум «Феодосии Добржанский и эволюционный синтез» (см.: [6, 11]), явившийся реализацией части совместного советско-американского проекта одноименного названия. На заключительном заседании симпозиума его участники приняли решение обратиться к президенту АН СССР (тогда еще существовавшему) с просьбой о присвоении организуемому вновь в городе на Неве Институту генетики имени Ф. Г. Добржанского. Другой частью совместного проекта является подготовка к изданию переписки Ф. Г. Добржанского с В. И. Вернадским, Ю. А. Филипченко, Н. И. Вавиловым и некоторыми другими отечественными биологами.

Хотя у перечисленных выше работ о Ф. Г. Добржанском и была своя специфическая, так сказать, задача — после долгих лет умолчания рассказать как можно больше о Феодосии Григорьевиче, прежде всего как о ученом, генетике и эволюционисте, — они, несмотря на все вольности «перестроечного» времени, представляли собой в большей или меньшей степени достаточно традиционные биографические очерки. Исключением была в этом смысле лишь одна статья, в которой на основе архивных документов рассматривались обстоятельства и причины, по которым Ф. Г. Добржанский стал «невозвращенцем» [4]. Сам вопрос о пребывании за рубежом, затрагивался в них, лишь как момент биографии, своего рода «строчка в анкете», а не в качестве самостоятельной темы.

Те достаточно скромные по масштабам и результатам архивные изыскания, которые удалось провести за прошедшее с той поры время, доставили новые важные факты и сведения,

позволяющие дополнить и уточнить представления о Ф. Г. Добржанском, его жизненном и научном пути. Но статья, коль скоро она предназначена для сборника о русском зарубежье, все же о другом... о том, что, пожалуй, не определить одним словом, не уместить в одно, пусть самое емкое и точное понятие, ибо, скажем слова «эмиграция», «эмигрант» как будто бы из уместного, подходящего к данной ситуации лексикона, да лишь на первый взгляд, в лучшем случае отчасти. Ведь то, что произошло с людьми, оказавшимися, как и Добржанский, за пределами СССР, и, оказавшимися навсегда, невозвратно, по сути эмиграцией назвать нельзя, или — лишь с определенными поправками и уточнениями.

Заглянем в последний — из уже изданных — «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, подготовленный в Институте русского языка АН СССР. Согласно этому академическому изданию слово «эмиграция» имеет два значения. Первое: «Вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по экономическим, политическим или религиозным причинам». И второе: «Пребывание за пределами отечества вследствие такого переселения» [10, с. 760]. Соответственно, эмигрант в словаре определяется как человек, переселившийся из своего отечества в другую страну, находящийся в эмиграции (в 1 значении). В «Большой Советской Энциклопедии», наверное, не худшей из всех изданных на земном шаре в XX веке энциклопедий, статьи «эмиграция» нет вовсе. Зато есть статьи о белой и революционной, то бишь красной эмиграции [2], а также статья об эмиграции населения, то есть надо понимать — эмиграции всех остальных цветов [9] и целых две статьи об эмигрантах, одна из которых, правда, об эмигрантах — биологических видах. Эмигранты-люди, определяются так же в БСЭ, как и в «Словаре русского языка». Так был ли Ф. Г. Добржанский эмигрантом, человеком, добровольно или вынужденно покинувшим свою страну по тем или иным мотивам, и поселившимся в другой стране? Как ни примеряй определения к происшедшему, получается, что ни одно из них «не работает», не годится.

Начать с того, что ни добровольно, ни вынужденно страну Ф. Г. Добржанский не покидал. В декабре 1927 года вместе со своей женой, Натальей Петровной Сиверцевой (девичья фамилия), он действительно отправляется в Соединенные Штаты Америки, но в научную командировку, ровно на год, с целью стажировки во всемирно известной лаборатории Т. Г. Моргана, где была экспериментально обоснована хромосомная теория наследственности. Поездка состоялась благодаря хлопотам Юрия

Александровича Филипченко, заведующего кафедрой генетики Ленинградского университета, где Ф. Г. Добржанский работал по его приглашению с января 1924 года. При содействии самого Т. Г. Моргана удалось получить стипендию Рокфеллеровского фонда. Такие стипендии специально предназначались для молодых иностранных ученых, пожелавших совершенствоваться в избранной области в каком-либо научном заведении США. Ф. Г. Добржанскому же сам бог велел ехать: после Ю. А. Филипченко он был лучшим знатоком в Советском Союзе работы школы Т. Г. Моргана и первым в стране самостоятельно также выполнил экспериментальные исследования по генетике дрозофилы, еще будучи сотрудником кафедры зоологии Киевского политехнического института.

Сама практика поездок российских ученых за границу для обучения или выполнения научной работы еще не была тогда прервана. Н. В. Тимофеев-Ресовский уже находился в Германии. Раньше же многие русские обучались и стажировались за границей, в том числе и Ю. А. Филипченко, тоже в Германии, главным образом у Р. Гертвига. Казалось бы подобные поездки советского времени, в том числе и Ф. Г. Добржанского, тоже можно трактовать как эмиграцию, только временную, как это сделано в статье В. В. Покшишевского «Эмиграция населения» (1978), в которой эмиграция интерпретируется и как выезд в другую страну с целью временного обоснования, обычно для работы, в том числе даже лишь сезонной. Однако и в таком чисто экономическом понимании термин «эмиграция» к тогдашним советским условиям вряд ли применим. Ни один советский гражданин тогда и вплоть до самого недавнего времени просто так взять да и поехать куда-нибудь за рубеж как всем хорошо известно, не мог. Тоже самое относится и к экспедициям, и к научным и иным командировкам: выезжали единицы и только с позволения государства. К тому же дело-то вовсе не в этой «временной эмиграции», не в научной командировке, а в остальных более чем пятидесяти годах, что прожил Ф. Г. Добржанский за океаном.

В белую эмиграцию Ф. Г. Добржанский тоже не попадает. И вовсе не по формальным признакам, не потому что, например, в статье о белой эмиграции в Большой Советской Энциклопедии к ней фактически отнесены только лица, покинувшие страну с 1917 по 1921 год, а также те, кто оказался за рубежом после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (все они в статье названы предателями родины), и отщепенцы. И предателями, и отщепенцам в конце статьи посвящена всего одна фраза [14], а о всех, кто оказался вне родины с 1922 по 1940 — и вовсе ни одного слова!

Понятно, что согласно не букве, а духу той же статьи люди, уехавшие из страны в любом году с 1917 по год ее написания, должны рассматриваться как предатели и отщепенцы, как все та же белая эмиграция. Мог ведь, если рассуждать в соответствии с логикой подобных статей, Ф. Г. Добржанский мысленно поддерживать или хотя бы сочувствовать тем, кто еще в гражданскую войну оказался в белой эмиграции, но почему-то оставаться в СССР и ждать, что еще представится возможность уехать. Ведь обстоятельства бывают всякие...

И у Ф. Г. Добржанского они действительно были. В своих устных воспоминаниях, сначала записанных на магнитную ленту, а затем отпечатанных на пишущей машинке (и в том, и в другом виде они хранятся в архиве Колумбийского университета), Ф. Г. Добржанский утверждает, что как и большая часть интеллигенции в Киеве, он с восторгом встретил известие о февральской революции в Петрограде и без оногo — об Октябрьской. Более того, в 1919 г. он помогал скрываться под Киевом на Днепровской биологической станции людям, покинувшим в 1918 г. Петроград, а затем, после того, как в январе 1919 г. в Киев вошла Красная Армия, и Киев. В их числе был научный руководитель Ф. Г. Добржанского по Киевскому университету, в который Добржанский поступил в 1917 году, проф. С. Е. Кушакевич и В. И. Вернадский. В августе 1919 г. Киев заняла Белая армия, а в сентябре с помощью одной знакомой С. Е. Кушакевича Добржанский был включен в состав санитарного поезда Международного Красного креста. Вместе с отступающей Белой армией поезд в конце концов очутился в Одессе. Там пути С. Е. Кушакевича и Ф. Г. Добржанского разошлись навсегда. Кушакевич на одном из пароходов отплыл в Турцию, где вскоре скончался от болезни, а Добржанский стал пробираться обратно в Киев, где у него осталась одинокая и больная мать.

Вскоре после его возвращения в Киев, в мае 1920 г. мать Добржанского, Софья Васильевна, умирает (отец, Григорий Карлович, скончался в 1918 г.). Других родственников в Киеве у Добржанского не было. При желании он, наверное, мог бы тогда эмигрировать, если не совсем, то временно, тем более что в мае 1922 г. В. И. Вернадский уехал во Францию для чтения лекций в Сорбонне, а Добржанский ранее помогал В. И. Вернадскому в его исследованиях живого вещества и даже числился одно время его сотрудником в Украинской Академии наук. Может быть, там бы и образование завершил, если не в Сорбонне, то в одном из университетов в Германии, тем более что превосходно с детства знал немецкий язык. Но Ф. Г. Добржанский заканчивает Киевский университет в 1921 г. Одновременно под-

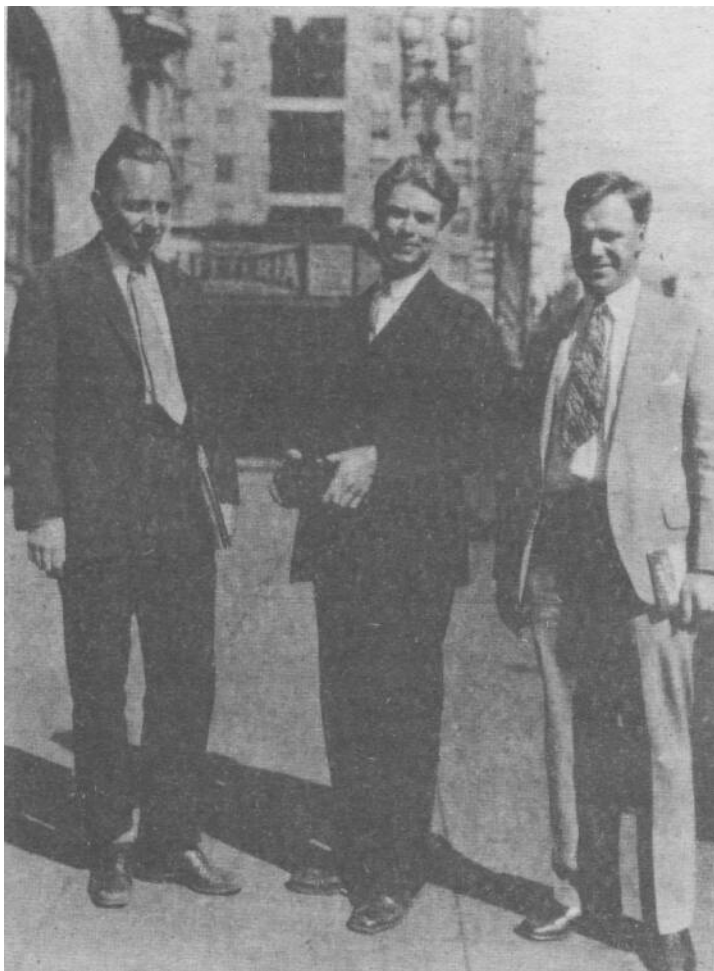
Ф. Г. Добржанский в Ленинграде (1924—25 гг.)

работывает на рабфаке чтением лекций, на энтомологической станции и в Киевском политехническом институте, куда затем его принимают на постоянную работу на кафедре зоологии.

Ни о какой эмиграции он не помышляет ни тогда, ни позже, переехав в Петроград в 1924 г. под начало Ю. А. Филипченко и переманив постепенно вслед за собой всех своих киевских учеников (Ю. Я. Керкиса, Ю. Л. Горощенко, Г. И. Шпета, М. М. Левита), ни отправляясь в командировку в Соединенные Штаты. Правда, Ю. Л. Горощенко вспоминает, что, прощаясь на вокзале, Добржанский якобы обронил такую фразу: «Когда-то еще свидимся». Но если даже такая фраза и была произнесена, то вряд ли как следствие соответствующих расчетов на будущее. Скорее она результат печальной русской предосторожности: кто знает, что ждет впереди, особенно когда отправляешься в столь дальнее путешествие, оставляя коллег и друзей в такой России; возможно — предчувствие.

Сохранившаяся в архивах переписка Ф. Г. Добржанского с Ю. А. Филипченко, Н. И. Вавиловым, Ю. Я. Керкисом, ее сопоставление с воспоминаниями самого Добржанского, другими документами позволяет утверждать, что ни при отъезде в командировку, ни по прибытии в США, ни еще долгое время после нахождения там Ф. Г. Добржанский и его супруга и не помышляли о том, чтобы остаться за границей. Коль скоро выпала такая удача, Добржанский стремился успеть сделать как можно больше в науке и для науки, для кафедры генетики. В частности предполагалось, что после возвращения Добржанского из заграничной командировки целая группа молодых генетиков на кафедре приступит к полномасштабным исследованиям по генетике дрозофилы. Помимо самого Добржанского в группу сначала должны были войти Ю. Я. Керкис, Н. Н. Медведев, М. Л. Бельговский, в то время еще студенты на той же кафедре. Подготовка к исследованиям велась по обе стороны океана. К настойчивым советам Ю. А. Филипченко попробовать задержаться «на подольше» Добржанский относился весьма скептически, хотя и последовал им на практике. Намеченным планам исследований в Ленинграде однако, не суждено было сбыться. Изменение положения в советской стране в год «великого перелома» и положение Ю. А. Филипченко, который фактически был вынужден уйти из университета, а также отсутствие каких-либо перспектив научной работы в избранном направлении поставили Добржанского в ситуацию выбора без выбора.

Одной из характерных деталей этой ситуации являются письма Н. И. Вавилова Добржанскому, присланные Николаем Ивановичем в ответ на запросы Добржанского о возможности

Ф. Г. Добржанский, К. Бриджес и Г. Д. Карпеченко. 1929 г.

устройства на работу на родине. Написаны они в ином, чем предыдущие письма, стиле — каким-то странным, «пропагандистским» языком. При их чтении невольно возникает предположение, что такой несвойственный Н. И. Вавилову (по крайней мере в частной переписке) стиль — использован намеренно. Другим способом предупредить Добржанского, если Вавилов действительно собирался сделать это, было невозможно. Переписка корреспондентии, так сказать, имела место, а Н. И. Вавилов к тому же уже был на заметке у «органов».

Внешне ситуация как будто бы отличается от той, в которой годы спустя оказался А. И. Солженицын, когда его как какой-нибудь неодушевленный предмет просто погрузили в самолет, или той, в которой оказался В. Н. Войнович, когда к нему пришел человек из «органов» и прямо предупредил, что выбор один: или «добровольная» эмиграция, или тюрьма и лагерь. Но суть этих трех ситуаций (и многих других) одна и та же: человека обрекают на эмиграцию, приговаривают к ней. Это эмиграция поневоле, против желаний и воли человека.

Да, выбор всегда есть. Добржанский мог выбрать возвращение и тогда разделил бы судьбу того же Н. И. Вавилова, Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитского и других репрессированных генетиков «старшего поколения». О том, что его не ждет ничего хорошего он уже знал точно, в этом смысле у него не было никаких иллюзий. Но даже если предположить «лучшее», то есть, что его ожидал более «мягкий» вариант судьбы — его ученика Ю. Я. Керкиса, М. Е. Лобашева и других генетиков, «лишь» потерявших в разное время работу, «проработанных» на собраниях, не поставивших экспериментов, которые они могли бы поставить, — выбор остается все тем же, запредельным и бесчеловечным.

За очень короткий промежуток своего долгого жителства поневоле в США Добржанский стал ведущим специалистом в мире в области популяционной и эволюционной генетики. В 1937 году вышла его книга «Генетика и происхождение видов», открывшая знаменитую колумбийскую серию монографий, составивших ядро эволюционного синтеза: «Систематика и происхождение видов» Э. Майра (1942), «Темпы и формы эволюции» Дж. Симпсона (1944), «Изменчивость и эволюция растений» Дж. Стреббинса (1950). В книге Добржанского были изложены основы теории микроэволюции — основной части синтетической теории эволюции. Одновременно в книге фактически содержалась программа генетико-эволюционных исследований на несколько десятилетий вперед как для самого Добржанского, так и для других эволюционистов, прежде всего генетиков.

Четыре издания этой книги (1937, 1941, 1951 и 1970 — последнее под измененным названием — «Генетика эволюционного процесса») составили уникальную серию, отразившую развитие современной эволюционной теории, причем каждое считалось образцом освещения генетических аспектов эволюции. Другая серия работ Добржанского — его исследования генетики природных популяций дрозофилы, — публиковавшаяся под общим названием «Генетика природных популяций», при ее переиздании в виде книги была охарактеризована как основа, на которой построено громадное здание современной эволюционной генетики.

Кроме того, в лаборатории Добржанского прошли подготовку многие ныне выдающиеся генетики со всех концов света, в том числе Б. Уоллес, Дж. Мур, Р. Левонтин, Ф. Айала. Сыграл большую роль в становлении генетики в Ленинградском университете в двадцатые годы, Добржанский имел учеников и среди советских генетиков: Ю. Я. Керкиса, Я. Я. Луса, Н. Н. Медведева, Ю. Л. Горощенко и других.

Будучи автором и соавтором целого ряда работ по генетике и эволюции человека, философским и гуманитарным аспектам эволюционной теории, Добржанский оказал значительное влияние на развитие соответствующих областей научного и философского знания, общечеловеческой культуры.

Без преувеличения можно сказать, что все эти достижения были бы невозможны без, как говорят американцы, «русского периода» в жизни Добржанского. Многому и многим в России был обязан Феодосии Григорьевич. Его становление как ученого и человека проходило в общении с выдающимися биологами, подвижниками науки, одни из которых всемирно известны, другие, к сожалению, почти забыты даже в собственной стране. В. И. Вернадский, В. Лучник, С. Е. Кушакевич, С. С. Четвериков, И. И. Шмальгаузен, Г. А. Левитский, Л. С. Берг, Н. И. Вавилов, Ю. А. Филипченко — вот далеко не полный перечень тех, кто помог Феодосию Григорьевичу стать тем, кем он стал. И он с любовью, уважением и благодарностью вспоминает всех в своих мемуарах; о некоторых им написаны статьи и биографические очерки.

Он помнил не только о генетиках, но и о генетике. И душа его болела за эту науку в нашей стране и за страну. Как писал один из его учеников, сороковые годы были самыми счастливыми для Добржанского, и в то же время самыми тяжелыми. Счастливыми, потому что ему многое удалось именно в эти годы в его работе, в научном творчестве; и тяжелыми — потому что на его родной земле шла война.

Оставшись в США, Добржанский получил клеймо «невозвращенец». Согласно авторам этого лексического изобретения «невозвращенец» — это лицо, не вернувшееся из-за границы и изменнически перешедшее в лагерь врагов СССР [13, с. 486]. Невозвращение автоматически приравнивалось к измене, невернувшийся автоматически зачислялся во враги народа. Как тут не повторить повторенное бесчетное количество раз: какие странные враги были у народа!

Как только стало возможно, восстановилась переписка Добржанского со многими друзьями и коллегами на родине, в том числе с А. А. Любищевым, Ю. Я. Керкисом, появились новые адресаты: Б. Л. Астауров, В. В. Алпатов, Ж. А. Медведев, К. М. Завадский и другие.

Журналы с его статьями с критикой лысенкоизма помещались в спецхраны советских библиотек, но именно эти статьи, на которые было запрещено даже ссылаться в так называемой «открытой печати», оказали большую поддержку отечественным генетикам. Само невозвращение Добржанского было поддержкой иному будущему — без спецхранов и «шестигранников» цензоров на обложках журналов и книг, без «отщепенцев» и «Героев социалистического труда».

Добржанского дважды в шестидесятые годы не пустили на родину. Как знать, если бы не лейкемия, может он бы не умер в 1975 г. и свое 90-летие отмечал в той стране, где родился. В 1990 году Украина и Россия были еще одной страной. Появился же на свет он в небольшом провинциальном городке Немирове под Киевом, в семье учителя математики.

Литература

1. Галл Я. М., Конашев М. Б. Классик // Природа, 1990, № 3, с. 79—87.
2. Жигунов Е. К. Эмиграция революционная // Большая советская энциклопедия, т. 30. М.: Сов. энциклопедия, 1978, с. 164—165.
3. Конашев М. Б., Ф. Г. Добржанский — генетик, эволюционист, гуманист // ВИЕТ, 1991, № 1, с. 56—71.
4. Конашев М. Б. Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991, с. 240—263.
5. Конашев М. Б., Ф. Г. Добржанский и становление генетики в Ленинградском университете // Исследования по генетике, 1993. Вып. 11 (в печати).
6. Конашев М. Б., Кременцов Н. Л. Симпозиум, который несколько лет назад был бы невозможен // ВИЕТ, 1991, № 2, с. 158—160.
7. Наумов Г. Ф., Ф. Г. Добржанский (1900—1975) и советская генетика (светлой памяти великого биолога) // Генетика, 1989, т. 25. № 6, с. 1131—1135.
8. Новоженев Ю. И., Ф. Г. Добржанский — основоположник социобиологии // ВИЕТ, 1990. № 2, с. 72—80.
9. Покишиевский В. В. Эмиграция населения // Большая советская энциклопедия. Т. 30. М.: Сов. энциклопедия, 1978, с. 164.

10. Словарь русского языка. Т. 4. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
11. *Соколова К. В.* Международный симпозиум, посвященный 90-летию со дня рождения *Ф. Г. Добржанского* // ВИЕТ, 1991, №2, с. 156—157.
12. *Сорокина М. Ю.* Дальний путь к большому будущему // Природа, 1990, №3, с. 88—91.
13. Толковый словарь русского языка. Т. 2. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. 1040 с.
14. *Шкаренков Л. К.* Эмиграция белая // Большая советская энциклопедия. Т. 30. М.: Сов. энциклопедия, 1978, с. 163—164.